

Нападение!

В глазах Фу Линъи мелькнул тёмно-красный отблеск.

Раздался глухой хруст, и карета вмиг разлетелась на куски. Фу Линъи резко взмыл вверх, одновременно подхватив Сюй Инбая и прикрывая его собой. Его поясная сабля мгновенно выскочила из ножен и отбила лезвие, сверкнувшее в самом опасном приближении!

Тут же он со всего маху врезал нападавшему в грудь ногой — фонтаном хлынула кровь, и одним взмахом руки он снёс нападавшему голову!

Затем, сменив косой удар на горизонтальный, он сокрушительной волной полоснул вперёд.

Раздалось несколько предсмертных криков: головы нескольких убийц, только что бросившихся на них, покатались по земле. Их широко раскрытые глаза в ужасном неверии смотрели на бледное небо.

Целью убийц был Сюй Инбай. Тайные стражи Резиденции Сюй, сопровождавшие его в пути, уже вступили с ними в бой, но они всё же были новичками, лишёнными богатого опыта, и не могли тягаться с этими закалёнными головорезами, поэтому очень быстро оказались в невыгодном положении.

Фу Линъи, словно свирепый волк, метался вокруг Сюй Инбая.

Длинные клинки пяти-шести убийц, которых не удалось остановить, в крови и брызгах устремились прямо на Сюй Инбая!

Отражать атаку в окружении — дело самое изнурительное, а уж тем более сейчас, когда сражаться из них двоих умел только один Фу Линъи.

Клинки перед глазами двигались так быстро, что сливались в сплошные тени, а Фу Линъи был скован противниками. Сюй Инбай нахмурился и уже собирался отскочить в сторону, как в тот самый миг, когда лезвие находилось всего в трёх цунях от него, внезапно взметнувшийся Фу Линъи заслонил его собой!

Кровь брызнула во все стороны. Взгляд Фу Линъи был кровожадным и безумным, его золотая маска покрылась каплями крови, которые тут же превратились в ледяную корку от морозного ветра. Его некогда чёрно-красные одежды стали ещё темнее и жутче, от них исходил густой, удушливый запах крови. словно перемазанный в крови вожак стаи, рыщущий по своим владениям, он в упор смотрел на всё вокруг сверкающими от хищного азарта глазами. А Сюй Инбай за его спиной походил на белоснежную кошку, которую оберегал этот волчий царь: в разгар жестокой схватки на него не упало ни единой капли крови — он оставался пугающе чистым.

Но Уцзюэ наступает так яростно... Мой августейший дядя ещё раньше догадался, что Уцзюэ не захочет остановиться на достигнутом, и уже согласовал со мной план переправы на юг, — с глубоким беспокойством произнёс Вэй Чжан. — Если Агудаму доберётся до Чанъани, мне останется только умереть.

Небо уже совсем потемнело, на улице почти не было прохожих — к счастью, прохожих не было. Сюй Инбай выдохнул облачко пара и холодно бросил:

— Возвращаемся в резиденцию.

— Иди и разузнай! — Цзяо Вань снесло нетерпение. — Посмотри, действительно ли он тяжело ранен!

Чтобы пробиться на юг к Цзяннаню, Уцзюэ придётся преодолеть несколько опаснейших природных преград, к тому же в тылу у князя Су стояли войска северных гарнизонов. Вэй Чжан полагал, что при таком раскладе он сможет спокойно усидеть на троне до самой смерти.

Фу Линъи коротко бросил:

— Угу.

Фу Линъи обратился к Сюй Инбаю, который как раз переписывал каноны Дао:

— Раскололся.

— Эта тварь в своё время свела твоего императорского отца с ума, да вдобавок пыталась лишить сана меня и наследного принца, — Цзяо Вань повернулась к своему никчёмному сыну. — Если бы я не расправилась с ней хитростью, думаешь, ты и я сидели бы здесь сегодня?

Во Внутреннем гареме во дворце Цынин Цзяо Вань, узнав эту весть, швырнула чашку и принялась яростно бранить стоявших перед ней на коленях тайных стражей императорской семьи:

— Никчемные твари! Какая от вас польза?! Вы даже бесхребетного литератора убить не смогли?!

В прошлой жизни он пережил немало покушений. Очнувшись в нынешней, он тщательно обмозговал, почему Вэй Чжан решил покончить с ним, и, размышляя над этим снова и снова, нашёл лишь одно возможное объяснение.

— Да как я могла ошибиться! — в глазах Цзяо Вань едва ли не полыхал огонь. — Он так похож на эту тварь, к тому же эта тварь тоже родом из Цзялин. Встреть я его на пару лет раньше,

разве позволили бы мы ему гулять на свободе до сих пор?

Тайный страж, с большим трудом спасший свою жизнь от рук Фу Линъи, дрожал как осиновый лист:

— У того Сюй Инбая оказался на редкость сильный телохранитель, прошу простить ничтожного за бессилие! Смилуйся, матушка-императрица, накажи нас!

Сюй Инбай опустил кисть и холодно усмехнулся:

— Как и ожидалось.

— Если ты бежишь на юг, а Сюй Инбай остаётся в Чанъани, разве это не предоставит ему шанс захватить власть? Если он провозгласит себя независимым правителем и подстрелит на свою сторону чиновников, из Цзяннаня тебе будет не дотянуться, и где тогда в Чанъани останется место для тебя! Разве этот императорский трон не будет преподнесён ему на блюдечке?

К сожалению, потворствовать их желаниям никто не собирался: в этом покушении с его головы не упало ни единого волоска, а на кровати лежал Ли Куайцзы, получивший в ходе нападения тяжёлые ранения.

Не щадя собственной жизни, он метался среди клинков, а острое лезвие раз за разом проносилось всего в дюйме от его шеи.

Если оставаться в Чанъани и дальше, то дожидаться прихода войск Уцзюэ означало лишиться головы!

— Переправа на юг — дело не сиюминутное, твой августейший дядя тоже далеко не простак, — изрекла Цзяо Вань. — Почему бы не позволить ему сначала схлестнуться с Сюй Инбаем? Если они оба понесут тяжёлые потери, трон достанется тебе гораздо прочнее и безопаснее.

Тут же Цзяо Вань добавила:

— Чжан-эр, тебе сейчас ни в коем случае нельзя бежать на юг! Даже если надумаешь бежать — сначала убей Сюй Инбая!

Фу Линъи поскрёб зубами нижнюю губу, буравя мрачным, злобным взглядом тех нескольких нападавших, которым свернули руки и ноги и вывихнули челюсти.

— Теперь нужно проверить, действительно ли он тяжело ранен.

Тайный страж поспешно отдал приказ и опрометью выбежал из дворца Цынин.

Следом острое сабли Фу Линъи легко и непринужденно парировало удар, сбросив чужой напор, и снизу вверх вспороло человеку живот. Голова рухнула наземь, расколота надвое — куда чище и быстрее, чем режут арбуз.

Ожидавших снаружи лекарей императорского двора призвали внутрь. Из-за тусклого света факелов лица разглядеть было невозможно, и те, вполне закономерно приняв Ли Куайцзы за Сюй Инбая, некоторое время проверяли пульс, обменялись многозначительными взглядами, наспех выписали рецепт и поспешно ретировались.

Выслушав доклад, Вэй Чжан помрачнел ещё сильнее. Невольно вспомнив слова Лю Тинсюаня, а также утренние уговоры Сюй Инбая пораньше заняться подготовкой к отплытию на юг, он преисполнился тяжких сомнений.

Сюй Инбай даже не поднял век, бросив с абсолютной уверенностью:

— Это матушка-императрица, верно?

Оставшиеся четыре-пять убийц были загнаны в угол подоспевшими на помощь тайными стражами Резиденции Сюй. Сюй Инбай стоял заложив руки за спину, а голос его звучал ровно и бесстрастно:

— Оставьте живых, уведите на допрос.

Впрочем, в этой жизни из-за его собственных приготовлений и слов Лю Тинсюаня покушение просто случилось немного раньше.

Ли Куайцзы проявил горячую преданность хозяину, защищая его, и получил два удара клинком, едва не расставшись с жизнью.

В Резиденции Сюй в этот час ярко горели огни.

Сидящий рядом с Цзяо Вань Вэй Чжан помрачнел лицом:

— Матушка, неужели он и вправду... ребёнок наложницы Сюй?

Этой же ночью по всей Чанъани разнеслась весть о том, что Великий наставник Сюй, сановник огромной важности, подвергся покушению и тяжело ранен.

Не прошло и полпалочки благовоний, как почти все убийцы вокруг были им перебиты — ни

один не смог подобраться к Сюй Инбаю ближе чем на шаг. Всех, кто осмеливался приблизиться, обезумевший Фу Линъи отправлял напрямик в чертоги Янь-вана.

Вэй Чжан знал, что приходится ему единокровным братом, и боялся за сохранность собственной власти, а потому и решился на смертоносный удар.

Тем временем в подземной темнице Резиденции Сюй тайные стражи с изумлением разглядывали горы окровавленных костей и залитого кровью, воющего в полубессознательном состоянии убийцу, которому вспороли половину туловища, а затем принялись привычно и безропотно наводить порядок в этом хаосе.

Следом Фу Линъи резко развернулся назад, уходя от клинков, и, подавшись вперед в невероятно изломанной позе, в едином рывке выбросил вперед саблю вместе с горстью гашёной извести. Одетый в черное убийца взвыл от боли, закрывая лицо руками, а там, где проходило лезвие, мгновенно взметнулись фонтаны алой крови!

— Кто бы мог подумать, что её отродье окажется таким живучим и вовсе не умрёт.

Из внутренних покоев то и дело кто-нибудь выходил или заходил обратно: то с тазами багровой воды, то с отварами. Двое императорских лекарей чинно восседали в передней комнате, и не успели они дожидаться приглашения войти, как увидели, что внутрь направляется человек, с ног до головы пропахший кровью.

Вэй Чжан поначалу наверняка не узнал его, иначе не стал бы позволять ему находиться при дворе все эти три года. Узнать его могла лишь Цзяо Вань — вдовствующая императрица, некогда делившая с его матерью крышу Внутреннего гарема.

Если Сюй Инбай — тоже императорский сын, с какой стати он тогда убеждает его плыть на юг? Да и Лю Тинсюань предсказал столь грозные знамения на небесах...

В этот момент Фу Линъи вошёл во внутренние покои, прошел за ширму и опустился на колени. Его лицо было измазано густой кровью, но взгляд излучал покорную, преданную кротость, от которой стоявшего за ширмой и переписывавшего даосские каноны Се Цзинвэя проняло мелкой дрожью.

Густая тёплая кровь растопила замёрзшую на полу наледь.

Сюй Инбай аккуратно отложил исписанный свиток канона, повернулся к Фу Линъи и приказал:

— Смени одежду и сторожи здесь всю ночь. Даже если Я тяжело ранен, они не успокоятся.

Как и предсказывал Сюй Инбай, ночью явились ещё две волны убийц. Фу Линъи и дежурившие тайные стражи безжалостно рубили всех, кто приближался к Резиденции Сюй. Брызги крови

обагрили весь двор. Фу Линъи с омерзением окинул взглядом эти багровые пятна и приказал стоявшим рядом стражам:

— Уберите всё дочиста, чтобы хозяин ни единой капли крови не увидел.

Небо уже начало сереть.

Фу Линъи обернулся и заметил, что в комнате по-прежнему горит свет. Его мерцание отражалось в глазах юноши, а заиндевелый, просторный двор снаружи казался окутанным мягким, теплым отблеском.

Сюй Инбай всё ещё не лёг спать?

Фу Линъи сделал шаг вперёд, намереваясь подойти, но снова уловил исходящий от себя запах крови. Его кадык судорожно дёрнулся, и он вернулся в свою комнату переодеться.

Бесшумно приоткрыв дверь, он увидел за ширмой Сюй Инбая: закутавшись в тяжёлую лисью шубу и подперев рукой голову, тот уже спал.

Подумать только: пожалуй, боялся разбудить его резким тушением огня, а может быть, велел прислуживавшим служанкам отправляться на покой, заявив, что сам погасит свечи. И в итоге эта свеча прогорела всю ночь.

В дрожащем пламени свечи безмятежное лицо спящего Сюй Инбая казалось ликом самого божества.

Угольки в жаровне внутри комнаты уже прогорели докрасна, превратившись в пепел, но в помещении всё ещё было тепло. Тем не менее пальцы на руках Сюй Инбая оставались синюшно-бледными: он люто ненавидел холод, и стоило температуре упасть, как они тут же краснели или синели. Сюань Цинцзы выхаживал его больше десятка лет, но это так и не прошло.

Сон Сюй Инбая едва ли можно было назвать спокойным: брови глубоко сдвинуты, бледные, лишённые краски губы плотно сжаты. На столике лежали исписанные им каноны Дао, а рядом — трактаты и письма.

Дышал он едва заметно, грудь почти не вздымалась. Он походил на изваяние прекрасной девы из белого нефрита, до того нереально выглядящее.

Фу Линъи глядел на Сюй Инбая, сглатывая ком в горле, и его прежнее спокойное выражение лица постепенно менялось, незаметно перерождаясь во всё более и более безумное, искажённое одержимостью. Он протянул руку, желая коснуться Сюй Инбая, но в самый последний миг, перед самым соприкосновением с его бровью, резко дёрнул руку назад — так,

будто Сюй Инбай был хрупким дорогим фарфором, покрытым сетью трещин-геле, который просто не вынесет его лёгкого, как пушинка, прикосновения.

Фу Линъи силой заставил себя опустить руку и в молчаливом оцепенении уставился на Сюй Инбая.

Сегодняшнее покушение оказалось до крайности опасным. Если бы не его личное присутствие, ещё неизвестно, смог бы Сюй Инбай уйти невредимым.

В прошлой жизни Сюй Инбай забрал его из Великой тюрьмы и приставил к себе незадолго до отплытия на юг, и он далеко не так рано оказался рядом с Сюй Инбаем, как в этой. Во взгляде Фу Линъи залегла мрачная тоска: как же Сюй Инбай справлялся с подобными смертельными угрозами в прошлой жизни?

Сюй Инбай ведь совсем не владел боевыми искусствами. Небольшие мозоли на его пальцах и боковых сторонах ладоней выдавали в нём обыкновенного нежного книжника — как он мог спастись от яростных атак свирепых убийц?

Получал ли он тяжёлые ранения? Еле ли цеплялся за жизнь? Приходил ли кто-то на помощь или он выживал в одиночку?

Фу Линъи вспомнил, что, когда они встретились в прошлой жизни, Сюй Инбай уже не расставался с отварами, его здоровье было из рук вон плохим, он постоянно кашлял, а в белые шёлковые платки в его руках то и дело вплетались пугающие, страшные пятна крови.

Наверняка ему не удавалось миновать какое-то из покушений, и это окончательно подорвало его тело.

И даже находясь в таком плачевном состоянии, он всё равно с упрямством поднимался на ноги, желая хоть чем-то помочь изнемогающему под бременем бед простому народу Великой Цзинь, катившейся к неминуемому распаду.

Только вот... он не успел. Жизнь и душа его угасли, и он нашёл свой конец в речных водах.

Воспоминания больно хлестнули по хрупким нервам Фу Линъи.

Он резко зажмурился, не желая больше беречь эти кошмарные видения.

Он сидел на коленях в тишине, взглядом очерчивая черты лица Сюй Инбая. Невысказанные чувства из прошлой и нынешней жизни жгли его сердце раскалённым пламенем.

Сдерживаясь изо всех сил, Фу Линъи впился ногтями в ладони до крови.

В прошлой и этой жизни он оставался тем же Фу Линъи, душа и память его не изменились. А что же Сюй Инбай перед ним?

Когда он только очнулся в этом мире, его разум был затуманен — он жаждал лишь бежать из темницы, чтобы разыскать Сюй Инбая, за что стражники даже сломали ему ноги.

Дождавшись, пока Сюй Инбай сам вытащит его на свет, он испытал лишь безумную, ослепительную радость, едва не лишаясь рассудка от счастья.

Однако теперь...

Выражение лица Фу Линъи было мрачным и одержимым, а боль в глазах грозила захлестнуть его с головой.

Прошлая и нынешняя жизнь, два встреченных им Сюй Инбая — можно ли считать их одним и тем же человеком?

Фу Линъи не понимал, почему в этой жизни Сюй Инбай пришёл за ним раньше, и никогда не видел его таким — окружённым заботой родных и друзей, мягким, спокойным и даже способным шутить.

В запутанных, до боли мучительных лабиринтах его памяти Сюй Инбай почти не выпускал слов из уст, у него не было ни близких, ни друзей, и он вечно брёл по дороге в полном одиночестве, а за его спиной неотступно следовал он сам — с саблей наготове.

Они молча преодолевали путь за путём.

И дорога эта казалась бесконечной, без конца и края.

Так можно ли... можно ли назвать Сюй Инбая из воспоминаний прошлой жизни тем же человеком, что и нынешнего?

Фу Линъи не знал. В последние дни своей прошлой жизни он так обезумел от горя, что ничего не помнил, кроме жажды мести за Сюй Инбаи... А после перерождения он какое-то время пребывал в беспамятстве. Среди сбивающих с толку, болезненных воспоминаний он никак не мог взять в толк: являются ли Сюй Инбай из прошлой жизни и нынешний Сюй Инбай одной и той же личностью?

Можно ли их приравнять? По идее, наверное, можно. Их обоих зовут Сюй Инбай, они вырезаны из одного теста и от макушки до пят абсолютно одинаковы.

Точь-в-точь.

Но Фу Линъи чётко сознавал одно: кем бы они ни приходились друг другу, в конечном счёте тот Сюй Инбай из прошлого уже умер.

Пронзённый бесчисленными стрелами, канувший в речную пучину.

Мёртвый есть мёртвый, его не вернуть.

Разве бывает на свете столько воскрешений из мертвых!

Фу Линъи терзался болью и сомнениями, будучи не в силах искренне воспринимать их как единого человека.

Более того, столь чистый и ясный, подобный луне в небе человек, как Сюй Инбай — в любое время и в любом месте — заслуживает нежного трепета и бережного отношения. Независимо от прошлой или нынешней жизни, он ни за что не смеет обращаться с нынешним Сюй Инбаем как с тенью прошлого, переносить на него те невысказанные чувства, что питал к прежнему Сюй Инбаю.

Фу Линъи думал, что для обоих Сюй Инбаев — и прошлого, и нынешнего — это станет оскорблением и святотатством.

Но ведь точно так же, как в этом мире существует лишь один он сам, — независимо от жизней, прошлой или нынешней, на весь свет есть лишь один этот Сюй Инбай! Невозможно выкопать из земли прежнего Сюй Инбая и поставить перед собой...

И от одной мысли об этих трёх иероглифах Фу Линъи чувствовал, что сходит с ума, не говоря уже о том, чтобы видеть живого человека. Он совершенно... не владел собой.

Нынешний Сюй Инбай — настоящий, он живой.

Он обладает теплом, умеет улыбаться, может произнести мягкое слово или оборвать холодным командным тоном.

Он — истинный, живой человек, и как ни крути, куда более яркий и настоящий, чем те призраки из его воспоминаний.

В висках Фу Линъи отчаянно колотилось, во рту отчетливо ощущался привкус крови, лицо приобрело страшное, искаженное выражение. Он судорожно сжал собственные руки, испытывая мучительное, давящее страдание, но даже дышать боялся слишком громко, страшась потревожить сон Сюй Инбая.

Сейчас он походил на обезумевшего от голода волка, которому уже плевать, что перед ним —

спасительная пища или яд.

Сюй Инбай... — думал Фу Линъи. — Сколько ни напоминай себе, как ни борись, сколь ни повторяй раз за разом, что нельзя опускаться на дно, нельзя погрязать в этом, не смей... всё равно в конце концов хочется подойти ближе, хочется прикоснуться...

К этому похожему на отражение луны в воде улыбающемуся образу прямо перед ним.

Это же... утоление жажды ядом.

Разум и чувства неистово рвали его на части. Разум твердил, что прошлый Сюй Инбай мёртв и нынешний не равен прежнему... А чувства нащёптывали: смирись, в этом мире остался лишь один Сюй Инбай, разве человек перед тобой — не Сюй Инбай? Где, кроме него, ты отыщешь ещё одного Сюй Инбая?

Не найти больше!

Кого он станет искать?

К кому еще он может обратиться?

Ответа не было.

Рот Фу Линъи наполнился кровью. Он бесшумно подался вперёд, согнув спину.

Он не отличался особой сообразительностью, но и просто махнуть на всё рукой, признав поражение, тоже не умел. А потому он не знал, не понимал и не мог постичь умом: кроме как защищать Сюй Инбая ценой собственной жизни и неотступно стоять у него за спиной, что ещё он должен был делать? Что ещё он вообще был способен сделать?

Окинув взглядом комнату, он заметил край одежды Сюй Инбая, и его глаза внезапно наполнились слезами.

— Что бы ни случилось... позволь мне ещё немного поберечь его.

До тех пор... пока я буду ему нужен.

<http://bllate.org/book/18659/1798854>